

> МАГИСТРАЛЪ >

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Камерная музыка

Москва
2023

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Д42

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Д42 **Джойс, Джеймс.** Камерная музыка : [перевод с английского] / Джеймс Джойс. — Москва : Эксмо, 2023. — 192 с.

ISBN 978-5-04-184910-8

Тихая нежность «Камерной музыки» открывает читателям неожиданную сторону творчества великого модерниста Джеймса Джойса, почитаемого по всему свету. Автор бессмертного «Улисса» в своих стихотворениях предстает то чутким романтиком, то великолепным остряком, а блистательный перевод, выполненный Григорием Кружковым, передает все нюансы поэзии Джойса.

Впервые за много лет «Камерная музыка» издается отдельным сборником. В книге — одноименный цикл стихотворений, а также стихи из сборника «Пенни за штуку», стихи на случай, выдержки из переписки Джеймса Джойса с братом Станиславом и пятая глава из «Портрета художника в юности», дополняющая поэзию прославленного ирландца. Издание сопровождается предисловием и комментариями Григория Кружкова.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

- © Кружков Г.В., перевод, предисловие, составление, примечания, 2023
- © Стариковский Г.Г., перевод, 2023
- © Богословская М.П., перевод, 2023
- © Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-184910-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой стихотворное наследие знаменитого ирландского писателя, автора величайшего модернистского романа XX века «Улисс». В нее вошли как опубликованные при жизни стихотворения Джойса, так и стихи на случай, сохранившиеся в черновиках и письмах. Большинство читателей знают Джойса только как прозаика; тем не менее стихи в этой книге доказывают, что и поэтом он был превосходным. Причем в обоих своих главных модусах — комическом и лирическом. И хотя любовная лирика Джойса может показаться неожиданно традиционной, даже старомодной (это у величайшего ниспровергателя литературных канонов!), зато она открывает нам совершенно другого, незнакомого Джойса; а это дает возможность по-новому увидеть и его новаторскую прозу.

Джойс сочинял стихи всю жизнь. Его первой опубликованной книгой был сборник «Камерная музыка» (1907), включивший стихотворения, писавшиеся между 1901 и 1904 годом. По форме это — цикл песен, написанных в духе английской ренессансной лирики. Сюжет несколько размыт и условен, но основная линия прослеживается — томление, стремление, сближение, усталость, расставание и одиночество. Есть даже мотив дружбы, которой жертвуют ради любви, и мотив враждебного света, мстящего влюбленным:

Не огорчайся, что толпа тупиц
Вновь о тебе подхватит лживый крик;
Любимая, пусть мир твоих ресниц
Не омрачится ни на миг.

Книга Джойса, характерная для утонченной и стилизованной поэзии рубежа века, была сочувственно встречена лидерами английского символизма — прежде всего Йейтсом, чье влияние на «Камерную музыку» Джойса — вплоть до прямых отзвуков — вполне очевидно. Очевидно и влияние модного тогда Верлена, потребовавшего от поэтов *de la musique avant toute chose* — «музыки прежде всего».

Известно, что у Джойса был прекрасный тенор, и в молодые годы он выступал с пением ирландских песен и баллад. Позднее он увлекся английской мадригальной поэзией и музыкой XVI века — Доулендом, Бердом и другими елизаветинцами. В 1904 году он даже думал предпринять гастрольную поездку по югу Англии с лютней и соответствующим старинным репертуаром. Песни Джойса возникли как подражание любимым образцам. Он исполнял их, импровизируя задумчивые аккорды на рояле или на гитаре. Он всегда желал, чтобы эти стихотворения были положены на музыку, и его желания вполне сбылись. Многие композиторы не устояли перед искушением «Камерной музыки» Джойса.

Впоследствии критики найдут в этой книге «пародийный аспект», покажут, что чуть ли не любую строку в ней можно вывернуть наизнанку, обнаруживая под лирикой фарс или непристойность. В частности, комментаторы отмечают, что уже само название «Камерная музыка» (*Chamber Music*) имело для Джойса некий второй, неприличный смысл, связанный со словом *chamber pot* (ночной горшок).

На мой взгляд, такие рассуждения — чрезмерная фиксация на незначительном биографическом эпизоде, отраженном в письме брата Джойса Станислава, — эпизоде общения юных остроумцев, старающихся перешеголять друг друга в грубоватом шутовстве. Такими были Джойс и его друзья, и такими он запечатлел их в «Портрете художника в юности». Содержания и смысла «Камерной музыки» этот эпизод не задает даже по касательной.

Чтобы понять эти стихи и их автора, полезно перечитать пятую главу «Портрета художника»¹. Первые четыре главы книги рисуют детство и отрочество Стивена Дедала (*alter ego* Джойса), но в пятой мы застаем его уже юношей, студентом Дублинского католического университета. Год изображен примерно 1901-й — то самое время, когда уже начали сочиняться стихи, вошедшие в «Камерную музыку».

---

¹ Приведенную и в настоящем издании (*Прим. ред.*).

Вот Стивен просыпается и, наскоро попив чай, отправляется в университет. Путь его лежит мимо кварталов дублинской бедноты, по грязным улицам, через реку Лиффи и дальше, в центр. Но бедность, шум и утренняя суета города, хоть он и замечает их мимоходом, мало его занимают; мысли витают совсем в других областях. Ему вспоминаются то саркастические строки средневекового итальянца Гвидо Кавальканти, то пьесы Ибсена, то песня Бена Джонсона, то эстетические теории старых философов.

«Часто, устав от поиска сути прекрасного в неясных речениях Аристотеля и Фомы Аквинского, он отдыхал, вспоминая изящные песни елизаветинцев. Ум его, словно сомневающийся монах, часто укрывался в тени под окнами этого века, внимая грустной и насмешливой музыке лютен и задорному смеху гуляющих женок...»

Вот после занятий и общения с друзьями он сидит в чьей-то гостиной, неуверенный в себе, не понимающий, зачем он снова сюда пришел; в какой-то момент общий разговор смолкает, и девушка, которая ему нравится, подходит и просит спеть «какую-нибудь из его интересных песенок».

«Он садится за старое пианино, перебирает пожелтевшие клавиши и на фоне вновь возобновившейся болтовни поет ей — а она сидит у камина — изящную песенку елизаветинских времен: грустную и нежную жалобу разлуки, песнь победы при Азенкуре или трогательную мелодию «Зеленые рукава»».

Вот из такого источника незаметно рождались и его собственные песни, порой слегка насмешливые, но чаще — грустные и нежные. Так что цикл Джойса — ни в коем случае не пародия, а тонкая стилизация, не отменяющая ни подлинности чувств, ни глубокого лиризма рассказанной в стихах истории. В этом отношении «Камерная музыка» следует за сборником «Ветер в камышах» Уильяма Йейтса (1899), в котором сами названия стихотворений стилизованы под XVI век: «Влюбленный рассказывает о розе, цветущей в его сердце», «Он упрекает кулика», «Он просит у своей любимой покоя»...

Сравнивая с Йейтсом, можно обратить внимание на черту, которая обнаруживает в юном поэте будущего прозаика и романиста: в то время как весь сборник Йейтса посвящен одному душевному состоянию, одному чувству в разных его аспектах, в маленькой книжке Джойса разворачивается целая драма — с завязкой, развитием, финалом и эпилогом.

В первом, вступительном стихотворении говорится о музыканте, который бродит над рекой; поэт называет его по-английски *Love*. Вообще-то в английской поэзии *Love* с большой буквы обычно означает Амура. Но отождествить эту романтическую фигуру, закутанную в мантию, с античным Амуром (проказником с крылышками) невозможно; она скорее напоминает задумчивую Музу, играющую на лире или на кифаре. Отсюда и перевод:

Есть воздуха струны
И струны земные,
Глубокие струи,
Где ивы речные.

Там бродит Любовь
Среди сумерек мглистых,
На мантии темной
Увявшие листья.

Играет, играет,
Томясь и тоскуя...
И пальцы блуждают
По струнам вслепую.

(I)

Не случайно *струи* перекликаются со *струнами*. Поэт — Орфей, он проходит над рекой, мимо склоняющихся над водой ив, и мир вокруг — вода и воздух — дрожит, подобно эоловой арфе, и готов стать музыкой.

Итак, вначале — лишь предчувствие, томление: вечерние фонари, звуки рояля из окна, песня Златовласки, волнующая и влекущая:

Вечерний сумрак — аметист —
Все глубже и синей,
Фонарь мерцает, как светляк,
В густой листве аллей.

Старинный слышится рояль,
Звучит мажорный лад;
Над желтизной клавиш вдаль
Ее глаза скользят...

(II)

Но вот из смутных предчувствий, из снов и грез является образ девушки, на котором сходятся мечты и желания поэта. Она наивна и нерешительна, и влюбленный шуткой старается развеять ее сомнения:

Какой он дал тебе совет,
Мой робкий, мой желанный друг, —
Сей облачный анахорет,
Монах, закутанный в клобук,
Заклятый враг любви мирской,
Святоша — месяц шутовской?
(XII)

Когда же любовь становится взаимной, тон меняется — на идиллический и сентиментальный:

Твое сердечко — мотылек,
Порхающий у губ моих, —
Несчастен, если одинок,
Блажен, прильнув ко мне на миг;
Все, чем на свете я богат —
Мой хрупкий, мой бесценный клад!
(XXIII)

Но вместе со счастьем приходит и тень тревоги. Она появляется уже во второй строфе этого стихотворения:

Как в мягком гнездышке вьюрок
Свои сокровища хранит,
Так я, не ведая тревог,
Не чая будущих обид,
Вложил последний золотник —
В любовь, живущую лишь миг.

Тревога проникает и в сердце любимой, и поэт пытается ее рассеять:

Ты к раковине мглы ночной
Склоняешь боязливый слух.
Кто напугал тебя, друг мой,
Какой неукрошенный дух?
Каких лавин далекий гром
Разрушил мир в уме твоём?
(XXVI)

Но кризис неизбежно наступает. Поэт пытается его отдалить, но едва ли это возможно — чувства любящих слабеют. Тут возникает красивый образ из античной истории. Напомним: понтийский царь Митридат ежедневно принимал порцию яда, чтобы привыкнуть и сделаться неуязвимым к отраве.

Хоть я уже, как Митридат,
Для жал твоих неуязвим,
Но вновь хочу врасплох быть взят
Безумным натиском твоим,
Чтоб в бедный, пресный мой язык
Яд нежности твоей проник.
(XXVII)

Расставание наступает неизбежно. Ему посвящена одна из самых трогательных миниатюр цикла:

Весь день шуршал холодный дождь,
Витал осенний листопад.
Приди в последний раз — придешь? —
В продрогший сад.

Перед разлукой — постоим,
Пусть прошлое обступит нас.
Молю: внемли словам моим
В последний раз.
(XXXII)

И вот наступает одиночество. Оно представляется поэту бесконечной морской пустыней, над которой носится ветер, а сам себе он кажется чайкой, улетающей все дальше и дальше от берега — в открытое море. В мелодии и строе этого стихотворения — переключка с «Осенней песней» Верлена, что подчеркивается ключевым словом *monotone* — монотонный.

Один и тот же монотонный
Тоскливый зов...
Всю ночь я слышу ветра стоны
И шум валов, —
Как чайка, что стремится в море
От берегов.
(XXXVI)

И, наконец, последнее стихотворение, в котором море открывшейся поэту жизни представляется уже не равнодушной, а откровенно враждебной стихией. Штурмующие берег волны прибой — это кони кельтского бога моря Маннанана, они запряжены в колесницы, которые мчат злобных и жестоких воинов:

Их клич боевой несется со всех сторон —
И хохота торжествующего раскат;
Слепящими молниями они разрывают мой сон
И прямо по сердцу, как по наковальне, стучат.
(XXXVI)

Таков финал «Камерной музыки», которая тут уже не совсем камерная; иначе откуда эти оглушительные удары литавр? И вдруг — весь этот шум и гром стихают — и в наступившей тишине слышны последние слова поэта, поражающие своей беспомощностью и безыскусностью:

О сердце мое, можно ли мучиться так?
Любовь моя, видишь, как я без тебя одинок?

Второй (и последний) прижизненный сборник стихотворений Джойса «Пенни за штуку» (1927) кардинально отличается от первого. По сути, это листки из дневника, вехи скитальческой судьбы Джойса в форме лирических откровений — то беспощадно прямых, то символистски зашифрованных. Обозначены даты и города: Триест, Цюрих, Париж... Большая часть стихотворений написана в Триесте в 1913–1915 годах. Их биографическая подоплека — чувство Джойса к его ученице Амалии Поппер, мучение безнадежной любви, смешанной со стыдом и виной. Эта вина ощущается в стихотворении «На берегу у Фонтана», где речь идет о сыне Джойса, а в «Цветке, подаренном моей дочери» — о встрече Амалии с его дочерью Лючией. В отличие от стилизованных и достаточно условных песен «Камерной музыки» практически все стихи «Пенни за штуку» могут быть прокомментированы фактами биографии писателя. Так, метафорическая, на первый взгляд, фраза в «Банхофштрассе» — «сквозь сумрак дня» — отражает реальное заболевание глаз Джойса, с которым он мучился всю жизнь, страх слепоты, который преследовал его в Цюрихе. В основе стихотворения «Плач над Рахуном» — рассказ жены Джойса,

Норы, о юноше, который когда-то любил ее и умер от любви. Тот же самый сюжет, что и в самом знаменитом из «Дублинских рассказов» Джойса «Мертвые».

ПЛАЧ НАД РАХУНОМ

Далекий дождь бормочет над Рахуном,
Где мой любимый спит.
Печальный голос в тусклом свете лунном
Сквозь ночь звучит.

Ты слышишь, милый,
Как он зовет меня сквозь монотонный
Шорох дождя — тот мальчик мой влюбленный
Из ночи стылой?

В такой же стылый час во мраке черном
И мы с тобой уснем —
Под тусклою крапивой, мокрым дерном
И сеющим дождем.

Название сборника заслуживает отдельного комментария. В оригинале здесь обычная для Джойса словесная игра — как обычно, игра на понижение. Первое слово в сочетании *Pomes pennyeach* есть компромисс, среднее арифметическое между английским *poems* и французским *poemes*. То есть название можно перевести как «Стихотворения по пенни за штуку» или «Яблоки по пенни за штуку». Первоначально Джойс хотел включить в свой сборник двенадцать стихотворений и назначить цену книжки в один шиллинг — по пенни за каждое. Но впоследствии он решил включить в сборник еще одно стихотворение. Поэтому он и назвал его *Tilly* — довесок, прибавок. Тринадцатое, «несчастливое» стихотворение в сборнике, по мнению критиков, связано со смертью матери Джойса в августе 1903 года и с тем чувством вины перед ней, которое не оставляло Джойса никогда (см., например, первую главу «Улисса»).

К сборнику «Пенни за штуку» биографически примыкает одно из лучших стихотворений Джойса *Ecce puer*, что значит: «Вот — ребенок» (*лат.*). Это аллюзия на слова Пилата, выведшего Иисуса к толпе в терновом венце и багрянице: *Ecce homo!* — «Се, Человек!». *Ecce puer* написано в феврале 1932 года на рождение внука,

названного в честь своего деда Стивеном Джеймсом Джойсом. Беременность Элен, дочери Джойса, была тяжелой. В довершение всего за семь дней до рождения внука умер отец писателя, Джон Джойс. Радость и скорбь смешались в эти дни. Неудивительно, что и в самом названии, и в содержании стихотворения сочетаются мотивы Распятия и Рождества.

В стихах Джойса — много переключек с его прозой, много важных комментариев к характеру автора, в котором потребность любви сочеталась с недоверием и насмешкой.

Уж, кажется, я перерос
Игрушки вычурных похвал
И не могу принять всерьез
Певцов писклявых идеал;
Любовь хоть до небес воспой —
Но капля фальши есть в любой.

Эта двойственность и авторефлексия ощущаются и в покаянных стихах «Пенни за штуку». Многое в этом цикле недосказано и зашифровано. Загадочна, например, «золотая лоза» в стихотворении «Прилив», про которую у Джойса говорится:

Uplift and sway, O golden vine, —
Your clustered fruits to love's full flood,
Lambent and vast and ruthless as is thine
Incertitude!

В прозаическом переводе: «Ты вздымаешь и качаешь, о золотая лоза, свои грозди под высоким приливом любви, ускользящим, огромным и безжалостным, как твоя неопределенность (или неуверенность)».

Эта строфа останется загадкой, пока мы не сопоставим ее со «сломанной ветвью» из другого стихотворения цикла и с библейским источником обоих этих образов. И лоза, и сломанная ветвь отсылают к словам Христа: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а отец Мой — Виноградарь; Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. <...> Пребудьте во Мне, и Я пребуду в вас. Как ветвь не может принести плода сама собой, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во мне... <...> такие ветви собирают и бросают их в огонь, и они сгорают» (Ин. 1–6).

Джеймс Джойс

Важнейшее слово в стихотворении Джойса — последнее — *incertitude* (неопределенность) — невозможность поверить, заново обрести духовную цельность, которой он обладал в детстве. Такова была мука, преследовавшая его всю жизнь.

Стихи на случай — это, большей частью, сочинения юмористические или сатирические. Практически в каждом из этих опусов Джойс демонстрирует высочайшую стихотворную технику, оригинальность и изящество своего комического дара. Каждая безделица, вышедшая из-под его пера, закончена и отделана. Перфекционист, он просто не умел писать не блестяще.

Эти шуточные стихи Джойса зачастую отмечают важнейшие вехи его жизни — такие, как борьба за опубликование «Дублинцев» или выход из печати «Улисса». Разумеется, их невозможно вполне понять без биографического комментария; такой комментарий читатель найдет в конце книги.

— Григорий Кружков

КАМЕРНАЯ МУЗЫКА